

АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ГАНИН

кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: andrey_ganin@mail.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов РГВА и ГА РФ рассматривается эпизод из истории большевистских репрессий против военспецов – арест осенью 1918 г. бывшего капитана Генерального штаба В.В. Трофимова, добросовестно служившего в Красной армии.

Ключевые слова: военспецы, генштабисты, РККА, ВЧК, репрессии, Гражданская война.

ДЕЛО ГЕНШТАБИСТА ТРОФИМОВА*

Показательным примером большевистской арестной практики в отношении военспецов-генштабистов служит история ареста выпускника усовершенствованных курсов 2-й очереди Академии Генерального штаба бывшего капитана Вадима Владимировича Трофимова (30.12.1887 – 28.10.1930). Дело Трофимова интересно и в плане взаимодействия военного ведомства с органами госбезопасности, анализа распределения властных полномочий в Советской России, возможностей тех или иных инстанций или высокопоставленных деятелей влиять на репрессивную практику.

О судьбе самого Трофимова известно немного. По данным его учетной карточки и другим служебным документам, Трофимов родился в Кишиневе, был сыном штабс-капитана, окончил реальное училище и Елисаветградское кавалерийское училище. Накануне (с 14 июня 1907 г.) и во время Первой мировой Трофимов служил в 5-м уланском Литовском полку. Командовал эскадром (с 9 сентября 1914 г.). С 30 августа 1915 г. состоял помощником старшего адъютанта штаба 10-й армии, а с 16 декабря 1915 г. занимал пост обер-офицера для особых поручений Генштаба штаба III Сибирского армейского корпуса. Затем, числясь в Литовском полку, прошел обучение на академических курсах. Службу в старой армии, по всей видимости, закончил ротмистром (капитаном).

По окончании академических курсов Трофимов был направлен на службу в штаб 2-й Петроградской дивизии РККА. С 7 марта 1918 г. был помощником начальника штаба Порховского отряда, служил в штабе военного руководителя Северного участка и Петроградского района завесы, где был прикомандирован к инженерному отделу¹, участвовал в разработке штатов и законоположений, занимался рекогносцировками². 23 марта 1918 г. вместе с товарищами по выпуску он был причислен к Генеральному штабу, а 27 июня переведен в Генштаб. Трофимов был сторонником укрепления корпоративного единства выпускников курсов 2-й очереди, активно участвовал в общих акциях, проводившихся выпускниками. Он значился помощником начальника штаба 2-й Петроградской дивизии³. В августе 1918 г. состоял на должности чина для связи при морском ведомстве⁴. Есть данные о том, что в 1918 г. Трофимов некоторое время занимал ответственный пост начальника штаба советского Южного фронта. С 26 декабря 1918 г. он был начальником отделения Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР). Позднее состоял в резерве штаба Западного фронта. Закончил Гражданскую войну в академии Генерального штаба заведующим обучающимися (с 20 апреля 1920 г.) на восточном отделении⁵, был штатным преподавателем академии (с 15 сентября 1921 г.) и главным руководителем цикла (с 1 января 1922 г.). С 11 января 1923 г. занимал должность помощника начальника 1-й Московской кавалерийской школы⁶. В дальнейшем служил в управлении по командному составу РККА. Позднее оставил военную службу и к 1930 г. был экономистом-статистиком Госплана СССР.

Как и многие другие военспецы-генштабисты, Трофимов неоднократно подвергался репрессиям. Ниже будет подробно разобрана история его первого ареста в конце 1918 г. Второй раз военспец был арестован в Смоленске 9 июля 1919 г. по делу Полевого штаба РВСР, 24 августа доставлен в Москву, в Особый отдел ВЧК, и содержался в Бутырской тюрьме, а освобожден не ранее конца декабря 1919 г.⁷ Как отмечал он сам, до второго ареста «был здоров, за время заключения заболел невравствительной и сильной степени и малокровием от голодовки»⁸.

О втором своем аресте Трофимов писал: «Видимо, предполагался заговор, сношения с белогвардейцами, почему и были произведены аресты в штабе фронта [бывших] офицеров генер[ального] штаба, в связи с арестом в Москве бывш[его] начальника штаба Западн[ого] фронта Доможирова – теперь освобожденного 7/XI. Арестованы были также в Полевом штабе Рев[олюционн]ого Воен[ного] Сов[ета] Республики: нач[альник] штаба Костяев, генер[ального] штаба Исаев, Кузнецов (Борис Иннок[ентьевич]), Малышев, Григорьев (все они в настоящее время также освобождены). Меня, кроме того, опрашивали, не было ли заговора в выпуске из академии генер[ального] штаба 1917 года⁹, так как все поименованные выше лица этого выпуска и мои коллеги, и спрашивали, в частности, про некоторых из них. В настоящее время не освобожден нач[альник] развед[ывательного] отделения штаба Зап[адного] фронта Стасевич (осужденный трибуналом по другому делу, но числящийся пока и по этому)¹⁰, 2 – его помощник по службе, Никольский, – чин для поручений и бывший комиссар разведки Пeadкевич (? – А.Г.) с братом»¹¹.

Свой жизненный путь Трофимов завершил в период печально известного дела «Весна», когда преследованиям подверглись многие бывшие офицеры. Трофимов был арестован 28 июля 1930 г. и через три месяца расстрелян по приговору Коллегии ОГПУ от 23 октября по обвинению в организационной деятельности по подготовке контрреволюционных преступлений, похоронен на Ваганьковском кладбище¹². К сожалению, следственное дело Трофимова 1930 г. обнаружить не удалось. В 1989 г. Трофимов по этому делу был реабилитирован. Трофимов не дожил до 43 лет, был женат, имел сына и дочь.

Первый раз Трофимов был случайно арестован 20 ноября 1918 г. в Петрограде. Арест был произведен Петроградской ЧК в связи с подозрением в шпионаже в пользу недавно побежденной Германии. Произошло это на квартире ранее арестованного гражданина Ховена (Сергиевская ул., д. 9, кв. 58), также считавшегося предполагаемым германским агентом. Сообщалось, что Трофимова арестовал тот же патруль, что ранее арестовал Ховена. Ноябрь 1918 г. был временем спада репрессивной активности Петроградской ЧК в сравнении с пришедшимся на сентябрь пиком, обусловленным официальным началом масштабного красного террора (если в сентябре было расстреляно около 800 человек, то в октябре, по официальным данным, – 21)¹³.

Трофимов к этому времени был приглашен на службу в Полевой штаб Реввоенсовета республики (РВСР) в Серпухов. Телеграмма о его назначении пришла буквально накануне ареста и была датирована 19 ноября. Однако

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

арест не был согласован с комиссаром Полевого штаба РВСР, как требовалось по закону. К тому же Трофимов был на хорошем счету по службе, и никаких доказательств его шпионской деятельности не имелось.

Большую работу по организации освобождения Трофимова провел его однокашник по ускоренным курсам академии Е.И. Исаев, состоявший для поручений при начальнике Полевого штаба РВСР. Исаев прибыл в Петроград 21 ноября с приказанием из Серпухова захватить с собой обратно Трофимова, однако выполнить это с виду несложное поручение оказалось чрезвычайно тяжело. В Петрограде военспецу пришлось надолго задержаться для разбирательства.

21 ноября Исаев телеграфировал начальнику Полевого штаба о возникших затруднениях. Он также обратился за помощью к командующему 7-й армией генштабисту Е.А. Искрицкому и комиссару С.П. Нацаренусу, которые дали телеграмму в ЧК¹⁴.

Несмотря на высокий статус отправителей телеграммы, чекисты ответили на следующий день лишь отпиской¹⁵. Однако Исаев на этом не остановился. 23 ноября он лично пришел с просьбой о вмешательстве к военному комиссару Петроградского военного округа Б.П. Позерну. В результате этого визита Позерн дал телефонограмму в ЧК, на которую также пришла отписка. Исаев после этого телеграфировал в Серпухов, что Позерн ничего не в состоянии был сделать¹⁶.

После этого в дело вмешались представители Ставки в Серпухове. 25 ноября 1918 г. военный комиссар Полевого штаба РВСР С.И. Аралов телеграфировал в Петроград Позерну, что Трофимов арестован незаконно, поскольку не была получена санкция Аралова – комиссара того штаба, в котором он служил¹⁷. В данном случае работники из Серпухова пошли на уловку. Дело в том, что Трофимов ранее в Полевом штабе фактически не служил, а только вызывался туда накануне ареста для назначения и мог считаться служащим штаба лишь формально.

28 ноября Аралов получил ответную телеграмму от чекистов, в которой сообщалось, что Трофимов «на основании непроверенных сведений подозревается [в] сношениях [с] иностранной контрразведкой, арестован [на] квартире Ховена, вероятно агента германской контрразведки»¹⁸. 30 ноября военный комиссар Петроградского военного округа Б.П. Позерн ответил Аралову, что делает все возможное для освобождения арестованного, однако просил в дальнейшем обращаться непосредственно к чекистам¹⁹. Исаев также сообщил в Серпухов, что не следует давить на Позерна, а нужно разбираться с самими чекистами.

Судя по всему, вмешательство Серпухова сдвинуло дело с мертвой точки. 5 декабря председатель Петроградской ЧК В.Н. Яковлева запросила председателя Реввоентрибунала республики К.Х. Данишевского, устроит ли того служба в Полевом штабе Трофимова, подозреваемого, по непроверенным данным, в связях с германской контрразведкой²⁰. Петроградские чекисты, казалось, были готовы отпустить арестанта на поруки ответственным работникам в Серпухове. 7 декабря Данишевский потребовал освободить Трофимова²¹. 9 декабря согласие освободить арестанта было получено, а Исаев покинул город по вызову из Серпухова. Но, как выяснилось, вопрос по-прежнему не был исчерпан.

Петроградские чекисты, арестовавшие в конце 1918 г. массу специалистов Генштаба, активно мешали своими действиями строительству Красной армии, остро нуждавшейся в таких специалистах для новых формирований. В частности, в декабре 1918 г. петроградский окружной военный комиссариат просил ускорить рассмотрение дел о лицах Генштаба Л.И. Савченко-Маценко, А.Ф. Степанове, А.Д. Шуваеве, Б.Н. Кондратьеве, Г.А. Шпилько, Кануранове (так в документе, личность не установлена. – А.Г.), В.С. Михееве и Б.П. Полякове²².

По неизвестным причинам вопрос с освобождением Трофимова завис еще почти на две недели. 14 декабря 1918 г. из Серпухова в Петроградскую ЧК с копиями военному комиссару Петроградского военного округа Позер-

ну, начальнику штаба 7-й армии, начальнику штаба Петроградского военного округа была направлена телеграмма о срочной необходимости присутствия Трофимова в Полевом штабе. Петроградским чекистам также напомнили о согласии освободить Трофимова, данным еще 9 декабря²³.

14 декабря 1918 г. состоящий для поручений при начальнике Полевого штаба РВСР Е.И. Исаев подготовил доклад начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву, в котором обстоятельства дела изложены наиболее подробно. Приведем этот документ целиком: «Прибыв 22-го ноября в Петроград по делам службы, а также согласно Вашего словесного приказа захватить с собою на обратном пути назначенного во вверенный Вам Штаб Генштаба Трофимова, я застал последнего арестованным в этот день на квартире Ховена (Сергиевская, [д. 9, кв.] 58) патрулем, арестовавшим ранее самого хозяина квартиры Ховена. Узнав от жены Трофимова, что он, получив от меня из Серпухова телеграмму о своем назначении, пошел, подготавливаясь к отъезду, к Ховену, чтобы переговорить с ним о найме квартиры, так как за собою по отъезде оставлять большую квартиру не было смысла, а также, зная Трофимова хорошо со всех сторон, и будучи убежден в абсолютной непричастности его к каким бы то ни было авантюрам, я немедленно дал Вам телеграмму об его аресте и одновременно обратился за содействием по его освобождению к Члену Революционного Военного Совета 7-й Армии тов. Нацаренусу, каковым и была дана телеграмма в Чрезвычайную Комиссию Гороховая, 2, об освобождении Трофимова.

Ответа на эту телеграмму не последовало и только по моей личной просьбе Член Революционного Военного Совета 7-й Армии тов. Восков отправился сам в Чрезвычайную Комиссию за справкой. Ответ ему был дан более, чем лаконичский: “Трофимов подозревается, а потому должен содержаться под стражей”.

23-го ноября я отправился к Компет. тов. Позерну и подал Доклад, в коем, пояснив случайность ареста Трофимова, я объяснил, что могу ручаться за невиновность Трофимова и взять его на поруки, если это требуется, но что его задержкой никто не имеет права в текущий острый момент стопорить работу Полевого Штаба Революционного Военного Совета Республики, имеющую доминирующее значение для России, что Чрезвычайная Комиссия, имея запрос тов. Нацаренуса, не только не поспешила выделить разбор дела вне очереди, но даже не ответила о мотивах ареста, как то просилось для доклада Революционному Военному Совету Республики тов. Нацаренусом.

Тов. Позерн запросил с[о] своей стороны телефонограммой Чрезвычайную Комиссию и получил телефонограмму в ответ: “Трофимов подозревается, а потому должен содержаться под стражей”.

Видя подобное соотношение сил Военных Комиссаров и Чрезвычайной Следственной Комиссией, я внес официальный запрос в Революционный Военный Совет 7-й Армии: должен ли он и может ли выполнить приказ Начальника Полевого Штаба Революционного Военного Совета Республики и если не может, то я прошу дать письменное удостоверение в этом.

Оказавшийся случайно при этом Губернский Комиссар Юстиции тов. Томашевич обещал свое содействие и на следующий день поехал в Чрезвычайную Следственную Комиссию уже с телеграммой Вашей за подписью тов. Аралова о том, что без согласия комиссара и Начальника военнослужащего в действующей армии никто не имеет права арестовывать.

В ответ на его справку Чрезвычайная Комиссия как бы дала свое согласие на освобождение Трофимова с тем условием, чтобы Революционный Военный Совет Республики, зная подозрения к Трофимову, подтвердили бы свое требование о его прибытии в Серпухов, каковая телеграмма и была дана в Революционный Военный Совет Республики.

В это время прибыл в Петроград тов. Майгур и тов. Илюшин²⁴. Последний, получив полномочия от тов. Дани-

шевского расследовать дело Трофимова, привлек меня как детально знакомого с этим делом к работе и мы вместе отправились на Гороховую, 2, в Чрезвычайную Следственную Комиссию.

По разговору со следователем по делу Трофимова тов. Дилегенштейном и по той телеграмме, которая была послана Вам Чрезвычайной Следственной Комиссией в редакции, что по непроверенным данным Трофимов подозревается в сношениях с союзниками, так как был арестован в квартире Ховена, вероятного шпиона Германии, я убедился вполне с одной стороны в мифическом обвинении, а с другой, если вдуматься в редакцию, в вероятно противоречивых друг другу выводах следствия и притом висящих на непроверенных подозрениях вероятий, обоснованных на абсолютно противоположных и тоже вероятиях.

Когда я постарался указать на подобное следствие по обвинению тов. Дилегенштейн, последний возмущенно ответил в присутствии тов. Илюшина, что теперь на основании подобных подозрений тысячи расстреливаются, а в смысле освобождения Трофимова свое заключение даст Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии, которая, кажется, со своей стороны не имеет препятствий.

В этот день Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии тов. Яковлеву мы не застали, а ее видел уже на следующий день тов. Илюшин, которому она обещала на следующий день выпустить Трофимова, т.е. 9-го декабря. Я выехал из Петрограда вечером 9-го на основании Вашего вызова, но Трофимов еще не был освобожден. Прибыв сюда в Серпухов и являясь [к] Вам, я доложил это дело, получив в ответ, что вопрос этот принципиально разрешен и из Революционного Военного Совета Республики послана 5-го или 6-го декабря телеграмма об освобождении Трофимова.

Сегодня 14-го декабря я получил телеграмму Штаба 7-й Армии № 92/Р Тарасова, что Трофимов не освобожден.

Представляя на Ваше усмотрение настоящий доклад, я прошу Вашего ходатайства о разборе его Революционным Военным Советом Республики с точки зрения организации властью Советской России обороны страны в текущий момент, каковую неминуемо стопорит изложенное явление.

Генерального Штаба Исаев»²⁵.

17 декабря на выручку однокашника пришел лидер выпуска молодых курсовиков Г.И. Теодори, направивший Данишевскому, начальнику Полевого штаба Костяеву телеграмму с копией: «Прошу в третий раз об освобождении невинного и командировании его к месту службы»²⁶.

Наконец, в известность о произошедшем был поставлен и председатель РВСР Л.Д. Троцкий, которому сообщили, что в отношении Трофимова «обвинение неведомо

на чем основано»²⁷. Только через месяц после ареста, 19 декабря 1918 г., Трофимов был освобожден с подпиской о явке в распоряжение К.Х. Данишевского²⁸. 7 апреля 2005 г. Трофимов был по этому делу реабилитирован.

На этом, однако, его злоключения не кончились, так как по дороге из Петрограда в Серпухов 28 декабря 1918 г. у Трофимова был вскрыт багаж – пропали дамское платье, три юбки, скатерть, портфель, четыре куска мыла. Одна из вещей оказалась опломбирована²⁹. Последнее обстоятельство свидетельствовало о причастности к этому чекистов, продолжавших слежку за военспецом. Как уже отмечалось, летом 1919 г. Трофимов был вновь арестован.

История первого ареста В.В. Трофимова демонстрирует бессилие высшего военно-политического руководства Советской республики повлиять на ход его дела и добиться освобождения военспеца. Ни руководство оборонявшей Петроград 7-й армии, в том числе политическое, ни военком Петроградского военного округа, ни начальник и военком Полевого штаба РВСР, ни губернский комиссар юстиции, не говоря уже о менее значимых лицах, не смогли добиться освобождения арестованного. Удалось это лишь председателю Реввоентрибунала республики Данишевскому, да и то не сразу, а после почти двухнедельной переписки и ожидания, причем фактически под личную ответственность. Петроградские чекисты осенью 1918 г. осуществляли повальные аресты, не разбираясь в делах, нередко на основании самых нелепых подозрений³⁰. Сотрудники Петроградской ЧК действовали по собственному усмотрению, игнорируя просьбы и требования советских военно-политических руководителей достаточно высокого ранга, а контроль высшего партийного руководства, которому подчинялась ВЧК и ее местные структуры, очевидно, оставался недостаточным и не мог охватить многие стороны работы советской политической полиции.

Вопрос об арестах генштабистов был вынесен на заседание РВСР 2 декабря 1918 г.³¹ Более того, в целях упорядочения вопроса о репрессиях в их отношении постановлением Совета обороны от 3 декабря 1918 г. в состав контрольно-ревизионного отдела ВЧК были введены два партийных представителя специального следствия для ускорения дела о членах Генерального штаба³². Таким образом, ситуация с арестами генштабистов была взята под особый контроль. Подобный беспрецедентный шаг большевистского руководства свидетельствует как о серьезности сложившейся ситуации с репрессиями, так и о понимании советской верхушкой значимости для Красной армии специалистов с высшим военным образованием и тяжести последствий их необоснованного отрыва от службы карательными органами.

¹ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 180 об.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109 об., 111 об., 116 об.

³ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 36.

⁴ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 24.

⁵ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 360, 498, 507, 533, 559, 637, 663, 699.

⁶ Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923. С. 231.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 37. Сохранился запрос военкома Полевого штаба РВСР председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о судьбе Трофимова и других арестантов, датированный февралем 1920 г. (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 149). Возможно, Трофимов до этого времени еще не был освобожден.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

⁹ Подробнее см.: Ганин А.В. Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

¹⁰ Проходивший по тому же делу в 1919 г. и упомянутый Трофимовым генштабист В.Е. Стасевич был его однокашником по академии, а на 1930 г. даже соседом по квартире (Москва, 2-й Спасо-Наликовский переулок, 11-11). По иронии судьбы в 1930 г. Стасевич и Трофимов были арестованы с разницей в несколько дней, в один день получили приговоры и были вместе расстреляны.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27 об.

¹² Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1926–1936. М., 1995. С. 102–103.

¹³ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 185.

¹⁴ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 58. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 10.

¹⁹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 58. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же. Л. 24.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Речь идет о военном следователе А. Илюшине. – А.Г.

²⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 58. Л. 1–2 об.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

²⁸ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 58. Л. 28.

²⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 351.

³⁰ Сборник мемуарных свидетельств о репрессиях в Петрограде см.: Красный террор в Петрограде. М., 2011.

³¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96. Впрочем, в протоколе заседания об обсуждении этого вопроса не упомянуто: Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919. Сб. док. М., 1997. С. 127–130.

³² В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 126.

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ЧЕРНАЯ

аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, социального и гуманитарного образования Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)
Тел.: 8 (913) 904-63-91; E-mail: ChernayaLena@mail.ru

В статье реконструируется процесс формирования и становления М.В. Нечкиной как исследователя исторической науки. Были проанализированы ее личные и рабочие дневники. В научном становлении ученого автором статьи выделено два периода и рассмотрено ее отношение к марксизму. Несмотря на то что Милица Васильевна была крупнейшим советским историком, эта тема практически не изучена современными исследователями.

Ключевые слова: исторический источник, марксизм, М.В. Нечкина, метод исследования, мировоззрение.

ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МИЛИЦЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НЕЧКИНОЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Формирование личности Милицы Васильевны Нечкиной выпало на переломный момент истории. Два мира – старый и новый, два различных мировоззрения – нераздельно переплелись, отразились на процессе формирования будущего ученого. Личные дневники М.В. Нечкиной за 1913–1922 гг. хорошо показывают этот феномен. Общественно-политическая ситуация в стране отразилась и на процессе духовного самоопределения М.В. Нечкиной. Она уделяет большое внимание размышлениям о религии. К 14 годам итогом этих раздумий станет запись в дневнике о том, что у нее уже есть первые зачатки будущего мирозерцания. Правда, она отмечает, что они еще довольно туманны, единственное, в чем она уверена, это в том, что верит в Бога. При этом гимназистка Милица Нечкина критически относится к религиозным догмам, преподносимым на уроках духовным отцом. Она стремится сформировать собственные религиозные воззрения. А через несколько лет Милица запишет в своем дневнике довольно противоречивую фразу. «Всегда, когда я счастлива, я <...> и неверующая говорю: “Господи, благодарю тебя”»¹. Означает ли, это что уже к 1919 г. М.В. Нечкина полностью пересматривает привитые с детства религиозные взгляды и становится неверующей?

Философские рассуждения молодой девушки отражают процесс формирования ее мировоззрения. Милица Нечкина структурировала окружающую действительность, разделив ее на «три великих мира». Она дает их характеристику в личном дневнике. Первый из них – это мир природы – «совершенно особенный мир, могущий дать человеку столько счастья и удовлетворения, что этого счастья и удовлетворения хватит до тех пор, пока существует мир». Второй – «мир человеческой мысли. Беспредельнее, безграничнее его невозможно найти. Этот мир все растет и растет и <...> никогда не перестанет расти. В этом мире все время, каждую минуту можно найти что-нибудь новое. Если жить жизнью мирских мыс-

лей, следить за ними, горячо откликаться на каждый призыв, – для этого стоит пожить, и все-таки жизни куда как не хватит. Третий мир трудно назвать каким-нибудь определенным именем. Это великий мир любви, понимания и труда. Этот мир беспредельный, бесконечный – он основывается на двух первых мирах. Любить все, любить всех <...> Больше человеку ничего не надо»². Это не просто абстрактные размышления, для Милицы Васильевны они имеют практическое значение. Проблема самоопределения, нахождения своего места в этой жизни волнует гимназистку Милицу. Она пишет в своем личном дневнике тех лет о том, что каждый человек исполняет нужную роль в мире, при этом, по ее мнению, самые ужасные трагедии на земле происходят из-за несоответствия роли, которую человек выбрал для себя в жизни, с той ролью, которая предназначена ему свыше. В процессе этих рассуждений Милица Нечкина формулирует принцип, которого будет придерживаться в своем поведении: «Ищи, какова в действительности твоя природа, и живи в согласии с ней»³.

Тема труда является центральной в процессе формирования мировоззрения М.В. Нечкиной. Через нее она определяет свою отношение к пессимизму. Она отмечает, что в мире существует такая бездна работы и физической и умственной и «вдруг – смешно подумать – являются разочарованные!.. Пессимисты – это просто дурно воспитанные люди»⁴, она испытывает к ним удивление и даже отвращение. Ей же присущ твердый взгляд на то, что добиться своей цели возможно только прикладывая невероятные усилия. Она пишет о том, что как только решила достигнуть намеченной цели, стала работать как никогда. Раньше она только наслаждалась процессом познания и получала высшее счастье от творчества, теперь же, как только ей захотелось серьезнее познать, пришлось трудиться. И когда у нее опускаются руки перед сознанием громадности, почти необъятности предстоящего труда, необходимого для превращения мечты